

Министерство образования и науки Российской Федерации
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Россия и Китай
на дальневосточных рубежах

Народы и культуры Северо-Восточного Китая

Вып. 13

Благовещенск
2020

ББК 63.3
Р 76

*Печатается по решению
Ученого совета
Амурского государственного
университета*

Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая. Вып. 13. Сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на англ.: О.Е. Цмыкал, на кит.: Ван Цзюньчжэн, Чжан Жуян, Чжоу Синьюй и др. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2020. – 524 с.

В 13-м выпуске сборника научных статей публикуются работы известных российских и китайских ученых, исследующих этнокультурные и этнорелигиозные контакты русских и китайцев, этносоциальные миграционные процессы на Дальнем Востоке, проблемы литературы русского дальневосточного зарубежья и художественной этнографии Дальнего Востока. Основу публикаций представляют доклады двух международных научно-практических конференций «Россия и Китай на дальневосточных рубежах»: «Исторический опыт взаимодействия двух культур» (12–13 мая 2018 г.) и «Народы и культуры Северо-Восточного Китая» (17–18 сентября 2020 г.).

Сборник адресован широкой аудитории читателей: научным сотрудникам, преподавателям высших и средних учебных заведений, аспирантам и студентам, а также всем, кто интересуется проблемами русской эмиграции, взаимодействия русских и китайцев в широком историческом, политическом и культурном контексте.

ISBN 978-5-93493-353-2

©Амурский государственный университет, 2020
©Авторский коллектив, 2020

<i>Ци Янь.</i> Дополнительное исследование чжурчжэньской надписи на стеле Храма Юннин; отношение чжурчжэньского языка и маньчжурского языка в династии Мин	189
<i>Ван Цзюньчжэн.</i> Возникновение и начальное развитие буддизма в Северо-Восточном Китае (по материалам Сянбэй и Когурё)	197
<i>У Ган.</i> К вопросу образования легенды «Нишан-шаман» в контексте мотива «погони за душой и оставления души»	212

***Дальний Восток России и Северо-Восток Китая:
актуальные проблемы фронтирных исследований***

<i>Лю Цюаньшунь.</i> Новые методы и подходы в исследовании эмигрантской истории Северо-Восточного Китая	218
<i>Ду Ин.</i> Русские и русская культура за рубежом с точки зрения академических кругов Китая и Японии	224
<i>Лю Ши.</i> Понятие «эмигрант» в китайском этническом сознании: этимология, история, политика	230
<i>Фэн Шиань.</i> Формирование понятия «родина» в этническом сознании китайцев (на материалах словарей и текстов классической литературы)	237
<i>Линь Линь.</i> Русский след в харбинской культуре	247
<i>Ян Синьмо.</i> Распространение фашистского течения среди русских эмигрантов в Харбине в 1920-е гг.	250
<i>Бай Сяогуан.</i> Исследование социального образа Китая в России за последние 30 лет	260
<i>Цао Чжисун.</i> В развитие идей и мер глубокой интеграции провинции Хэйлуцзян в строительство «Одного пояса, одного пути»	266

***Народы Северо-востока Китая и Дальнего Востока России:
образы восприятия в фольклоре, культуре, литературе***

<i>Забияко А.А., Чжан Жуян.</i> Неубиваемая память. Образ восприятия японцев в семейных мемуарах русских Трехречья о событиях японской оккупации	271
<i>Ван Юйци.</i> Образ восприятия японцев в китайской литературе антияпонского сопротивления (на материале повести Сяо Цзюня «Деревня в августе»)	280
<i>Чжоу Синьюй.</i> Образы хунхузов в творчестве северо-восточных писателей Китая в первой половине XX века	284
<i>Сенина Е.В.</i> Образ восприятия России и русских в творчестве Бай Лан	291
<i>Дэн Голун.</i> Образ восприятия эвенков в романе Чи Цзыцян «Правый берег реки Эргуна»	299
<i>Землянская К.А.</i> Свадебная обрядность гольдов в художественной этнографии Венедикта Марта (на материале рассказа «Дэре – водяная свадьба»)	304

ОБРАЗЫ ХУНХУЗОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ 20–40-Х ГГ. XX ВЕКА

Чжоу Синьюй

В народе говорят, что в провинции Шаньдун рождаются *сяньма* (кит. 响马 – разбойник), а в провинции Гуаньдун (кит. 关东 – территория к востоку от Шаньхайгуань, провинции Хэйлунцзян, Цзилини и Ляонин) рождаются *хузы* (кит. 胡子 – борода). Гуаньдунских хузов еще называют хунхузами, подразумевая под этим грабителей. Когда хунхузы занимались разбоем, то они надевали вычурные одежды и красили бороды в красный цвет, чтобы люди их пугались и не могли опознать. Потому их и называли «хунхузы» (кит. 红胡子 – рыжая борода) [Бянь Юй, 1988, 116].

Однако некоторые китайские ученые считают, что наименования «хузы» и «хунхузы» не являются производными от слова «борода» (кит. 胡须). В этимологическом словаре древнего китайского языка «Ци-юань» (кит. 辞源 – происхождение) в отношении китайского иероглифа «ху» (кит. 胡) говорится: «В древнюю эпоху народности северных окраин и западных земель нашего государства было принято называть "Ху" или "Ху-жень" (кит. 胡人). Затем иероглифом "ху" (кит. 胡) стали обозначать иностранца. Народность *хань* в древнем Китае была титульной, потому к другим народностям было принято презрительное отношение. В отношении грабителей также закрепился иероглиф "ху". В словаре "Ци-юань" иероглиф "ху" еще имеет значение "черный цвет" и "безобразный". Все значения иероглифа "ху" семантически связаны с черным цветом и звериным лицом, которые очень подходят для более позднего обозначения хунхузов» [Бянь Юй, 1988, 116].

Истоки появления хунхузов на Северо-востоке Китая

Хунхузы и хунхузничество как социальное явление берут истоки в древней китайской истории. Со времен династии Западной Хань северо-восточные земли, не подчиненные власти центрального Китая, использовались как места ссылки. В этих землях исторически сосредоточилось большое количество разнообразных малых народностей Китая, которые привнесли в новые земли свои традиции и обычаи, свои способы ведения хозяйства и выживания. «В такой незнакомой, холодной и отчаянной среде стремление выжить заставляло многих сосланных становиться разбойниками. Именно так появились самые ранние хунхузы [Ван Синьжуй, 2016, 75].

В конце династии Мин генерал Мао Веньлун (кит. 毛文龙), успокоивший территорию Ляонин, «принимал пострадавших с востока провинции Ляонин и вел себя как иностранный император» [Бянь Юй, 1988, 116]. Затем его убил Юань Чунхуань (кит. 袁崇焕), а подчиненные Мао Веньлуна «собрались в горах и лесах, стали хунхузами, повторив истории пристанища Ляншаньпо (кит. 梁

山泊) и лагеря Ваганчжай (кит. 瓦岗寨), совершали массовые грабежи» [Бянь Юй, 1988, 116].

В конце династии Цин северо-восточные земли пришли в запустение, население обнищало. Многие северяне, отчаявшись жить в таких условиях, становились хунхузами. Они собирались в горах и лесах, разбойничали, устрашали местное население своими бесчинствами. Никто не мог их унять. По мнению китайских историков, гуаньдунские хузы явились порождением исторического времени и общественных проблем [Ван Синьжуй, 2016, 75]. Они собирались в банды, совершали вооруженные набеги на лошадях; местное население уже знало и клички атаманов, и флаги этих разбойников. Постепенно хунхузы становились местными князьками. Им уже не требовалось переодеваться и изменять внешность, как раньше. Они уже не боялись быть признанными. Хунхузы были сильнее и злее обычных хузов, это были хузы, но на порядок выше. Иногда их в литературе их называют «махузы» (кит. 马胡子) из-за того, что они передвигались на лошадях [Бянь Юй, 1988, 116].

Яростные общественные волнения и масштабные войны явились причиной стремительного увеличения количества северо-восточных хунхузов. Такие скачки наблюдались в период российско-японской войны, период междоусобных войн, событий «изменения флага Северо-востока» (29 декабря 1928 г.), после событий 18 сентября [Ван Синьжуй, 2016, 75].

В 20-е гг. XX в. из-за длительных войн и правового вакуума северо-восточное население Китая стремительно нищало. Люди не могли опереться на правительство, потому поднимали восстания, захватывали оружие и сами пытались найти свой путь в жизни. В состав хунхузов входили и злодеи, и те, кто вынужденно ступил на скользкий путь, стараясь сохранить себе жизнь в тяжелых жизненных обстоятельствах. Если говорить о социальном статусе тех, кто подался в хунхузы, то это в большей мере были крестьяне, которые потеряли свои земли. Когда в Китае оказалось огромное количество эмигрантов, то и они разными путями находили себя в хунхузничестве. Кто-то не смог найти себя в новых политических условиях, кто-то не смог терпеть эксплуатацию и угнетение. Именно эти три категории людей явились источником пополнения банд хунхузов на Северо-востоке Китая [Забияко, 2016, 21–58; Ван Синьжуй, 2016, 75]. Постепенно хунхузничество стало характерной этносоциальной проблемой Северо-восточного Китая.

*Сяо Цзюнь и Дуаньму Хунлян как представители
северо-восточного крыла Лиги левых писателей Китая*

В Китае после первой гражданской войны (1924–1927) шла вооруженная борьба между представителями Гоминьдана и Коммунистической партии Китая. Для борьбы с Гоминьданом и расширения идеологического влияния на народные массы 2 марта 1930 г. в Шанхае была организована Лига левых писателей Китая. Главными сюжетами произведений революционных писателей стали борьба рабочих с капиталистической эксплуатацией и отпор крестьян,

угнетаемых помещиками. Яркими фигурами северо-восточного крыла Лиги левых писателей Китая стали Сяо Цзюнь и Дуаньму Хунлянь.

Сяо Цзюнь (1907–1988, настоящее имя Лю Хунлинь, кит. 刘鸿霖), родился в деревне Ся-нянь-гоу около города Линхай провинции Ляонин (кит. 辽宁省凌海市沈家台镇下碾沟村). В возрасте семи месяцев он потерял мать. Мечта о службе на благо своей Родины привела молодого Сяо Цзюня в 1925 г. в ряды армии в провинции Цзилинь. Казарменная жизнь ему не нравилась, но именно она подвигла на творчество – он начал писать стихи. После инцидента «18 сентября» он официально начал отсчитывать свою карьеру писателя, с 1932 г. стал общаться с членами подпольной партии и прогрессивной молодежью Харбина. Армейская тема, случаи из военной жизни становятся основополагающими в творчестве Сяо Цзюня.

Другой северо-восточный писатель – Дуаньму Хунлян (1912–1996, настоящее имя Цао Ханьвень, кит. 曹汉文), родился в уезде Чанту провинции Ляонин (кит. 辽宁省昌图). В год поступления на исторический факультет Цинхуаского университета вступил в ряды Лиги левых писателей Китая. Широкая северо-восточная территория определила его любовь к этой земле. Сложная жизнь простого народа, жестокое угнетение крестьян помещиками, приводящее к многочисленным социальным конфликтам – источник художественного творчества писателя. С 1933 по 1935 гг. он пишет роман «Степь Хорчинского аймака». Он говорил: «Эта земля вдохновила меня..., я специально живу, чтобы дописать историю своей земли» [Дуаньму Хунлян, 1997, 3–4]. Материалом произведения становятся и детские воспоминания писателя. Его мать, дочь крестьянина-арендатора, не была узаконена в своих правах, а непутевый отец был сыном помещика. Сложные отношения родителей привели к разрыву, отец отнял сына у матери. Рассказы матери о тяжелой жизни слуг в доме помещика и кровавой истории семьи Цао будущий писатель очень хорошо запомнил с самого детства. Соединение двух социальных ролей личности писателя – помещика и крестьянина – причудливым образом отразились в его творчестве. Он был всецело на стороне угнетенного класса, ненавидел власть имущих [Дуаньму Хунлян, 1997, 3–4].

Образы хунхузов в творчестве Сяо Цзюня и Дуаньму Хунляна

Диаметрально противоположные в творческом поиске, два этих писателя сходятся в изображении хунхузов на страницах своих произведений. Капитан «Железный орел» в романе Сяо Цзюня «Деревня в августе», Цуйпин в романе Сяо Цзюнь «Третье поколение», Лао-бэй-фэн в романе Дуаньму Хунлян «Степень Хорчинского аймака», Мэй-хэй-цзы в романе Дуаньму Хунлян «Далекий летучий песок» – эти образы хунхузов не являются, с точки зрения писателей, изображением бандитов, а предстают воплощением бунтарского духа угнетенного крестьянства и бедноты.

В своем романе «Деревня в августе» (кит. «八月的乡村», 1935 г.) Сяо Цзюнь изобразил образ героического атамана хунхузов – капитана по прозвищу

«Железный орел» (кит. «铁鹰队长»): «Высокий и стройный, он стоит прямо, на запястье висит пистолет, он похож на одинокого орла без крыльев...» [Сяо Цзюнь, 2008а, 56]. Внешне этот герой изображен автором довольно сдержанно, но его поступки приоткрывают поэтическую душу, живущую бедами своих сторонников. Ранение подчиненного заставляет «Железного орла» мучительно переживать чужую боль. Ему не чужды человеческие эмоции и чувства, но на первый план для него всегда выходят интересы окружающих. Автор рисует сложный психологический портрет хунхуза, который ставит интересы окружающих превыше всего и остро чувствует боль близкого человека.

В романе «Третье поколение» (кит. «第三代», 1935–1950 г.) Сяо Цзюнь запечатлел целый ряд образов хунхузов. Это представители дикой силы Северо-восточной земли. Они непокорны, являются разрушителями старого мира. Исследователи считают, что столь яркое и многочисленное изображение героев-бунтарей говорит и о собственной бунтарской натуре писателя [Люй Цзямэн, 2017, 134–136]. Так, одним из наиболее удачных с художественной точки зрения является образ духовного вождя хунхузов Хайцзяо. Когда при атаке двора помещика деревни Линхэ Хайцзяо был ранен, он приказал своим соратникам застрелить его, но в итоге покончил жизнь самоубийством. Перед смертью он завещает хунхузам такие слова: «Мой отец мне сказал никогда не сдаваться, а сейчас я передаю вам его слова... пока в вас теплится жизнь, сдаваться нельзя!» [Сяо Цзюнь, 2008b, 392]. На смену Хайцзяо приходит другой хунхуз – Лю Юань, который смог подняться на гору Ян-цзяо (кит. 羊角 – бараний рог) и вступить в банду хунхузов. Лю Юань смог продолжить начинания вождя по противостоянию старому миру, чтобы завершить их в боевом походе против правительственных войск.

Хунхузы на страницах художественных произведений этих авторов – это мужчины с диким характером, олицетворяющим силу и мужество. Но в романе «Третье поколение» Сяо Цзюнь изобразил и женщину-хунхуза – Цуй Пин. Она сметлива и расторопна, стойко переносит трудности, осмеливается на протест; это образ «пробужденной женщины». Когда был пойман ее муж, она не пролила ни слезы, не умоляла, а только лишь ругала помещика Ян Чжонлуо. По сравнению с обычными женщинами того времени ее можно назвать бесстрашной. Ее духовное пробуждение началось, когда Цуйпин поднялась на гору Ян-цзяо. В шайке хунхузов она наравне с мужчинами трудилась на благо товарищей, училась стрелять, активно помогала другим хунхузам чинить одежду и заведовала финансами, постепенно завоевывая доверие соратников. Цуйпин – это лучший представитель северо-восточных женщин, национальное и социальное пробуждение которых приводит их на путь протеста. Она рвет путы феодальных нравственных норм по отношению к женщинам, устраняет невежество и пробуждает непокорный дух китайских женщин [Люй Цзямэн, 2017, 135].

Чувство долга и строгие моральные принципы, благородство и жажда справедливости, помощь нуждающимся являются важнейшими

характеристиками образа хунхуза в романах писателей Лево́й лиги. В романе «Степь Хорчинского аймака» (кит. «科尔沁旗草原», 1935 г.) Дуаньму Хунлян запечатлел образ гуманного атамана хунхузов Лао-бэй-фена (кит. 老北风 – старый северный ветер). Он справедлив и совестлив, стремится оградить простых людей от бед. В народе о нем из уст в уста передается песня: *«Старый северный ветер исходит от неба, откроет казенные амбары и поддержит голодных, головы у богатых будут болеть»* [Дуаньму Хунлян, 1997, 363–364]. Простые люди его уважают и считают своим. Лао-бэй-фен с честью выполняет свою миссию. Узнав, что японские агрессоры заняли город Шеньян, он уверенно поднял флаг «Поднебесной первой добровольческой армии» и велел своей банде наступать на Шеньян. Слава о нем шла впереди его отряда, к которому по пути присоединялись новые соратники из числа простого люда. Лао-бэй-фен исполнил долг и обязательства перед простым народом, ведя своих соратников по пути протеста любой агрессии и угнетению [Люй Цзямэн, 2017, 135].

Заповеди гуманного поведения хунхуза воплощаются в хунхузническом уставе. Так, в романе Сяо Цзюня «Третье поколение» отец и дядя Хайцзяо установили правило никогда не обижать женщин; при его нарушении член банды подвергался расстрелу. Моральные правила устава хунхузов передавались из поколения в поколение. Когда Цуйпин, избегая преследования, поднялась на гору Ян-цзяо и стала жить в шайке хунхузов, с этими принципами она познакомилась воочию [Люй Цзямэн, 2017, 135].

Но в романе «Далекий летучий песок» (кит. «遥远的风砂», 1939 г.) Дуаньму Хунлян воссоздает двойственный образ хунхуза Мэй-хэй-цзы (кит. 煤黑子 – шахтер). Бывший эр-дан-цзя (кит. 二当家 – помощник атамана) шайки хунхузов демонстрирует примитивную бунтарскую силу, несмотря на его зачисление в антияпонскую армию. Его грубость и злой характер остаются неизменными даже по прошествии времени. В гостинице Луо-ма-туо-дянь (кит. 骡马驼店) дикая сущность хунхуза проявились в полной мере. Он занимался разбоем, грабил, дрался, крал урожай и провиант. Когда война закончилась, Мэй-хэй-цзы не упускал возможности поживиться и снова грабил, насиловал и убивал. Своими действиями он мешал дисциплине и провоцировал многочисленные конфликты. Соратники его ненавидели, но особо активных недоброжелателей он устранял поодиночке. *«Мэй-хэй-цзы прыгнул и добежал к Чен Куй, схватил его под ложечкой, связал его руки на седле. После этого Мэй-хэй-цзы оглянулся на труп Цзя П... Его лицо резко дернулось, кажется, он уже не смог сдержаться. "Я не уйду!" – он так рычал»* [Ван Пэйюань, 2011, 239]. Однако, несмотря на столь ужасающий образ, писатель дарует ему доблестную смерть. С одной стороны, его поведение жестоко и разрушительно, оно остается неизменным с течением времени, с другой – автор считает, что особые исторические обстоятельства пробуждают в человеке не только хорошие, но и негативные черты характера [Чэн Цань, 2010, 93–94].

В послесловии к роману «Степь Хорчинского аймака» Дуаньму Хунлян написал: *«Помните, что ни один крестьянин не хотел добровольно стать*

хунхузом. *Хунхузничество – это неизбежная судьба северо-восточных крестьян... Ничего нет трагичнее, чем ошибочный выбор жизненного пути»* [Дуаньму Хунлянь, 1997, 407–408].

С социальной точки зрения хунхузничество на Северо-востоке Китая подрывало основы социальной политики, экономики и морали. Это был насильственный захват прав на свободное существование, на жизнь без угнетения. Дикость северо-восточных земель, отсутствие централизованного управления на этих территориях и другие факторы явились источником появления хунхузничества как социального и исторического явления. Хунхузничество стало порождением сложного периода в истории, но явилось также символом жизнеспособности и непокорности угнетенного народа, дикой силы природного человеческого духа.

Несмотря на художественный вымысел и идеализацию в изображении обстоятельств и сюжетов хунхузнической жизни, в произведениях Дуаньму Хунляня и Сяо Цзюня можно увидеть исторический облик реальных хунхузов. Образы хунхузов воплотили в себе уверенную жизнеспособность человека, способность сопротивления обстоятельствам, социальному неравенству и классовому угнетению, бунтарский дух и легендарный характер этих неоднозначных участников исторического процесса. В художественных произведениях сделана попытка объективно показать причины появления хунхузничества, реконструировать образ жизни хунхузов, их речь и модель мышления.

Такие герои необходимы были в те годы китайскому обществу, востребованы исторической ситуацией формирования национального сознания перед угрозой японской оккупации. Типология создания образа хунхуза в творчестве северо-восточных писателей состоит в сочетании архетипического образа разбойника и современного борца с социальным неравенством и иностранным засильем. Через образы хунхузов представители Лиги левых писателей попытались выразить собственную позицию по узловым моментам истории, ответить на запрос нового социального заказа революционного сознания китайцев, стремящихся построить социалистическое государство.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)».

Библиографический список

Бянь Юй. 边羽. Атрибуция гуандунских хунхузов 边羽. 关东红胡子考辨 // Социальная наука. – 1988. № 1. – С. 116.

Ван Пэйюань. 王培元. Избранные романы группы писателей Северо-Востока. 王培元. 东北作家群小说选. – Пекин: Народное лит. изд-во, 2011. – 239 с.

Ван Синьжуй. 王欣睿. Изучение литературы движения «Переход в Гуаньдун». 王欣睿. «闯关东» 文学研究. – Чанчунь: Цзилиньский университет, 2016. – 306 с.

Дуаньму Хунлян. 端木蕻良. Степь Хорчинского аймака. 端木蕻良. 科尔沁旗草原. – Пекин: Народное лит. изд-во, 1997. – 408 с.

Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2016. – 437 с.

Люй Цзямэн. 吕佳蒙. Сила и дикая натура жизни – образ «Хузы» в творчестве северо-восточных писателей. 吕佳蒙. 生命的野性与强力-浅析东北作家群笔下的 «胡子» 形象 // Вестник Цзилиньского педагогического института. – 2017. – № 7. – С. 134–136.

Сяо Цзюнь. 萧军. Деревня в августе. 萧军. 八月的乡村 // Сяо Цзюнь. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 1. 萧军. 萧军全集: 20 卷. 册. 1. – Пекин: Изд. дом «Хуася», 2008. – С. 31–155.

Сяо Цзюнь. 萧军. Третье поколение 萧军. 第三代 // Сяо Цзюнь. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 2. 萧军. 萧军全集: 20 卷. 册. 2. – Пекин: Изд. дом «Хуася», 2008. – 407 с.

Сяо Цзюнь. 萧军. Третье поколение 萧军. 第三代 // Сяо Цзюнь. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 3. 萧军. 萧军全集: 20 卷. 册. 3. – Пекин: Изд. дом «Хуася», 2008. – 435 с.

Цянь Гунлай. 钱公来. Запись о районе Ляохай. 钱公来. 辽海小纪. – Чанчунь: Чанчуньское управление северо-восточного производства, 1947. – 119 с.

Чэн Цань. 程灿. Причудливая эстетика 程灿. 异样的审美 // Вестник Тайюаньского педагогического института. – 2010. № 6. – С. 93–94.